

ГЛАВА I

ЩЕДРОСТЬ СУЛЛЫ

На рассвете четвертого дня перед ноябрьскими идами (10 ноября) 675 года римской эры, в консульство Публия Сервилия Ватия Исаврика и Аппия Клавдия Пульхра, Рим кишел народом, который валил из всех частей города к Большому цирку.

От узких, кривых и многолюднейших улиц Эсквилина и Субурры, населенных преимущественно простым людом, толпа, все нарастая, стремилась и бурлила по главным улицам — Табернольской, Гончарной, Новой и другим, направляясь в одну сторону — к цирку.

Граждане, рабочие, *capite censi*^{*}, отпущенники, старые, искалеченные и покрытые рубцами гладиаторы, нищие и изувеченные ветераны гордых легионов — победителей Азии, Африки и кимвров, простолюдинки, шуты и скоморохи, танцовщицы и толпы резвых, прыгающих детей составляли бесконечную вереницу людей. Радостные лица, веселые взгляды, беззаботные речи и легкие шутки на устах несомненно свидетельствовали о том, что народ шел на какое-то излюбленное зрелище.

Все эти многочисленные, стремительные, говорливые толпы наполняли улицы великого города хаотическим, мощным гулом, напоминавшим жужжание тысячи пчелиных роев, и печальный вид неба, сплошь затянутого хмурыми сероватыми тучами, которые предвещали скорее дождь, чем ясную погоду, казалось,

^{*} *Лат.* «считаемые по головам» — беднейшее сословие граждан в Древнем Риме. *Здесь и далее, если не сказано иное, прим. ред.*

не мог смутить квиритов* и омрачить веселья, сиявшего на их лицах.

Утренний ветер, веявший с холмов Лациума и Тускулума, был свеж и пронзителен. Очень многие горожане шли, тщательно закутавшись в складки и капюшоны своей пенулы; другие покрыли голову петазом или пилеем, и все старались закутаться поплотнее — мужчины в свои аболлы и тоги, женщины — в столы и паллы.

Цирк, построенный в 138 году от основания Рима царем Тарквинием Древним после завоевания Апиолы, затем украшенный и расширенный последним царем, Тарквинием Гордым, начал называться Большим с 533 года от основания Рима, когда цензор Квинт Фламиний выстроил другой цирк, названный его именем.

Большой цирк, расположенный в Мурсийской долине, между Палатинским и Авентинским холмами, не достиг еще ко времени событий, описываемых в этой книге, тех необъятных размеров и того великолепия, которые придали ему впоследствии Юлий Цезарь и Октавиан Август; все же это было огромное, величественное здание длиной в две тысячи сто восемьдесят шагов и шириной в девятьсот девяносто восемь, могущее вместить свыше ста двадцати тысяч зрителей.

Имевшее почти овальную форму, оно было срезано с запада по прямой линии, восточная же его сторона замыкалась округлостью. В западной части его находился прямой оппидум — постройка с тринадцатью арками. В средней из этих арок был один из двух главных входов в цирк, называемый Парадными воротами, так как через них на арену входила процессия с изображениями богов, появление которой служило знаком для начала игр. В остальных двенадцати арках были расположены конюшни, или «темницы», где помещались колесницы и лошади, когда цирк служил для бегов, гладиаторы и хищные звери, когда должны были происходить кровопролитные состязания, доставлявшие римскому народу величайшее удовольствие.

От оппидума сбежали полными кругами многочисленные ряды ступенек, служивших сиденьями для зрителей; в целях более

* Римские граждане.

удобного доступа к ним они были пересечены проходами; последние давали начало другим, внутренним проходам, которые вели к многочисленным выходам цирка, называемым вомиториями.

Ряды сидений оканчивались в портике, под арками, где были места для знатных женщин.

Напротив Парадных ворот находились Триумфальные ворота. Они служили для входа победителей. По правую сторону от оппидума и ближе к Парадным воротам находились Ворота смерти. Через эту зловещую дверь особые служители цирка вытаскивали при помощи длинных крючьев изуродованные и окровавленные тела убитых или умирающих гладиаторов.

На площадке оппидума были огорожены барьерами особые сиденья, предназначенные для консулов, магистратов, весталок и сенаторов. Все остальные сиденья не имели барьеров и ничем не отличались друг от друга.

Разрезая арену, между оппидумом и Триумфальными воротами тянулась почти на пятьсот шагов низкая стена, так называемый хребет. Она служила для определения дистанции во время бегов и имела на обоих концах по группе колонок, называемых метами.

Посредине хребта возвышался обелиск солнца, а по сторонам его — башенки, колонны, жертвенники и статуи; между последними — статуи Цереры и Венеры Мурсийской.

Вокруг арены возвышался парапет, на который опирались сиденья амфитеатра. Парапет был вышиной в восемнадцать шагов и назывался подиумом; вдоль него тянулся ров, наполненный водой, называемый эврипом, а за рвом подымалась железная решетка: все эти преграды служили для охраны зрителей от возможного нападения диких зверей, которые рычали и свирепствовали на арене.

Таков был вид этого грандиозного помещения, предназначенного для зрелищ в Риме, в 675 году от основания города. И в это громадное здание, вполне достойное народа, победоносные орлы которого облетели уже весь мир, стекались ежечасно, ежеминутно, заполняя цирк, и бесконечные толпы простого народа,

и всадники, патриции и матроны, для того чтобы беззаботно наслаждаться излюбленным и приятным зрелищем.

Итак, что же происходило в этот день? Какой праздник? Какое зрелище привлекало такую массу народа в цирк?

Луций Корнелий Сулла Счастливым, властитель Италии, гроза Рима, быть может, чтобы отвлечься от страданий, которые причиняла ему неизлечимая кожная болезнь, мучившая его уже два года, приказал несколько недель тому назад оповестить, что три дня подряд он будет угощать и развлекать зрелищами римский народ.

И уже накануне зрелищ в цирке вся римская чернь восседала на Марсовом поле и вдоль Тибра за столами, приготовленными по приказанию грозного диктатора. Она шумно пировала вплоть до наступления ночи, предавшись под конец разнузданной оргии. Этот пир, устроенный страшным врагом Гая Мария, отличался царской роскошью и великолепием, неслыханным изобилием пищи и самых тонких вин. Происходил он в триклинии*, специально сооруженном для данного праздника в честь римского народа.

Щедрость Суллы Счастливого была такова, что для этих празднеств и игр, устроенных в честь Геркулеса, он пожертвовал десятую часть своих богатств. Ежедневно уничтожались сорокалетние и еще более старые вина и большое количество съестных припасов выбрасывалось в реку.

Таким образом, Сулла левой рукой дарил римлянам часть богатств, которые он наградил хищной правой, и сыны Квирина, в глубине души смертельно ненавидевшие Луция Корнелия Суллу, принимали от него с наружно веселым видом зрелища и угощения.

Наступил день. Яркие солнечные лучи, пронизывая тучи, начали золотить вершины десяти холмов, храмы, базилики и сверкающие белизной драгоценного мрамора дворцы патрициев. Своей живительной теплотой они согревали людей, разместившихся на скамейках Большого цирка.

Свыше ста тысяч граждан ожидали наиболее любимого римским народом зрелища — боев гладиаторов и диких зверей.

* *Триклиний* — пиршественный зал.

Среди этой сотни тысяч людей красовались группами на лучших местах матроны, патриции, всадники, сборщики податей, аргентарии (банкиры) и богатые иностранцы, стекавшиеся со всех концов Италии и всего мира в Вечный город.

Пришедшие много позже простого народа, эти любимцы Фортуны находили себе места подходящие и удобные. Среди разных профессий, не требующих особого труда, которыми занимались многие римляне, зачастую не имевшие хлеба и крова, но никогда не упускавшие случая с гордостью воскликнуть: «Noli me tangere: civis romanus sum»*, был и промысел локариев: гордые бездельники приходили рано утром в здание, где должно было состояться публичное зрелище, и занимали лучшие места для богатых граждан и патрициев. Последние являлись в цирк, когда им было удобно, и, заплатив два или три сестерция, получали от локариев места.

Трудно себе представить ту великолепную панораму, которую представлял цирк, заполненный более чем ста тысячами зрителей обоего пола, разного возраста и положения. Латиклавы, ангустиклавы, претексты, столы, туники, паллы и пеплумы, меняясь и сливаясь в разнообразнейшие сочетания цветов, являли взору все оттенки радуги. Шум этой массы народа, страшный, как гул вулкана, мелькание голов и рук, напоминающее яростное и грозное волнение моря во время бури, были лишь деталями великолепной, ни с чем не сравнимой картины, которую представлял Большой цирк в этот момент.

В амфитеатре простолюдины ели принесенную с собою пищу. С большим аппетитом они уплетали ветчину, холодную говядину, излюбленную кровяную колбасу и сырные и медовые пирожки или сухари; еда сопровождалась острыми словечками, непристойными шутками, беззаботной болтовней, громким непрерывным смехом и частыми возлияниями велитернского, массикского или тускуланского вина.

Продавцы жареных бобов и пирожков находили покупателей среди плебеев, которые, желая побаловать своих жен и детей,

* «Не прикасайся ко мне: я римский гражданин» (лат.).

покупали эти дешевые кушанья. Естественно, что эти благодушные плебеи должны были вскоре прибегать к продавцам вина, чтобы заглушить жажду, вызванную жареными бобами, и тянуть из кувшинов жидкость, которую продавцы нагло называли тускуланским вином.

Там и сям собирались в группы, болтали и смеялись изысканно вежливые и важные семьи богачей, всадников и патрициев. Элегантные щеголи покрывали циновками и коврами твердые сиденья и открывали зонтики, чтобы защитить красивых матрон и грациозных девушек от палящих лучей солнца.

Близ Триумфальных ворот, в третьем ряду, сидела между двумя всадниками матрона необыкновенной красоты. Эта женщина своим округлым, стройным и гибким станом и роскошными плечами с первого взгляда производила впечатление подлинной дочери Рима.

Правильные черты лица, большой лоб, красиво изогнутый нос, маленький рот, на губах которого, казалось, живет желание горячих поцелуев, большие черные, выразительные глаза придавали ей чарующую прелесть. Мягкие и тонкие волосы цвета вороного крыла, густые и незавитые, собранные на лбу диадемой из драгоценных камней, ниспадали на плечи.

На ней была туника из тончайшей белой шерстяной материи, отороченная внизу изящной золотой полосой, позволявшая видеть всю грацию ее тела; поверх туники ниспадала красивыми складками белая палла с пурпурными полосами.

Этой женщине, так роскошно одетой и такой красивой, не было, вероятно, еще и тридцати лет; то была Валерия, дочь Луция Валерия Мессалы, единоутробная сестра Квинта Гортензия, знаменитого оратора, соперника Цицерона, консула 685 года. Всего несколько месяцев назад Валерия была отвергнута своим мужем под предлогом ее бесплодия. В действительности же причиной развода было ее поведение, о котором шли давно громкие толки по всему Риму: молва считала Валерию развратной женщиной, и тысячи голосов сплетничали о некоторых ее не совсем чистых привязанностях. Как бы то ни было, но она разошлась с мужем таким образом, что ее честь осталась достаточно защищенной от подобных нареканий.

Возле нее сидел Эльвий Медуллий — длинный, бледный, худой, прилизанный, надушенный. Его пальцы были унизаны золотыми кольцами с двойными драгоценными камнями в оправе; шею его украшала золотая цепь с медалями и геммами. Палочка из слоновой кости, которой он обычно развлекался на ходу, завершала его изящный наряд.

На неподвижном и невыразительном лице этого человека лежала печать скуки и апатии, которая уже в тридцать пять лет сделала для него жизнь неинтересной. Эльвий Медуллий был из тех благородных римлян, кутил и сибаритов, которые предоставляли право жертвовать собой за отечество и славу сброду туникастов. Олигархи* возложили на чернь миссию завоевания царств и покорения народов, за собою же, если только не предпочитали хищнически управлять вверенными им провинциями, оставляли труд проматывать в роскошной праздности родовые имения.

По другую сторону Валерии Мессалы сидел Марк Деций Цедиций, патриций лет пятидесяти, с круглым, открытым лицом, веселый, красивый, невысокого роста, коренастый, толстый, для которого высшее счастье заключалось в возможно более продолжительном пребывании за столом в триклинии. Марк Деций Цедиций тратил половину своего дня на смакование изысканных блюд, которые ему приготавливал его повар, один из известнейших специалистов, составлявших гордость Рима. Другую половину дня он посвящал мысленному наслаждению теми приятными ощущениями, которые он будет испытывать вечером в триклинии. Одним словом, Марк Деций Цедиций, переваривая обед, мечтал о часе ужина.

Сюда же позже пришел Квинт Гортензий, наполнявший весь мир славой своего красноречия. Квинту Гортензию еще не исполнилось тридцати шести лет. Он долго изучал манеру двигаться и говорить, научился управлять каждым своим жестом, каждым словом, так что в Сенате, в триклинии или в ином месте каждое его движение обнаруживало поразительное благородство и величие, казавшиеся врожденными. В одежде он признавал

* В Древнем Риме олигархия — форма правления, при которой власть принадлежит узкому кругу лиц, а также сам правящий класс.

лишь темные цвета, но складки его латиклавы были расположены с утонченным изяществом и искусством, что еще более оттеняло красоту и величавость его осанки. Ко времени нашего рассказа он уже прошел службу в легионах, сражавшихся против итальянских союзников в марсийской, или в гражданской, войне, и за два года сделался сперва центурионом*, а затем трибуном.

Ученый и красноречивый оратор, Гортензий был весьма искусный артист и половиной своих триумфов был обязан мелодичному голосу и всем приемам декламационного искусства, настолько хорошо усвоенным им, что даже Эзоп, известный трагический актер, и знаменитый Росций спешили на Форум**, когда Гортензий произносил речи, для того чтобы учиться у него декламации.

В то время как Гортензий, Валерия, Эльвий и Цедиций беседовали, а один отпущенник по желанию Валерии пошел за табличками, на которых были начертаны имена сражающихся гладиаторов, процессия жрецов, неся изображения богов, обошла вокруг хребта, на верх которого эти изображения обычно ставились.

Недалеко от места, где сидела Валерия и ее собеседники, находились под присмотром воспитателя два мальчика, принадлежавшие к классу патрициев и одетые в претексты — белые тоги с пурпурными полосами. Эти два мальчика, один — четырнадцать лет, другой — двенадцати, с широкими костистыми лицами, с резкими и определенными чертами, являли собой чистый тип римской расы. Это были Цепион и Катон, из рода Порциев, внуки Катона Цензора, который жил и прославился во время Второй Пунической войны и во что бы то ни стало добивался уничтожения Карфагена.

Цепион, младший из братьев, казался более разговорчивым и приветливым, и, в то время как он часто обращался к Сарпедону (так звали их воспитателя), юный Марк Порций Катон стоял молчаливый и надутый, с сердитым, брюзгливым видом, который вовсе не подходил к его возрасту. Уже теперь была видна стойкость и твердость его характера и упорная непреклонность убеждений. О нем рассказывали, что, когда ему было восемь лет,

* *Центурион* — командующий отрядом из сотни легионеров.

** Главная площадь в центре Древнего Рима.

один из предводителей в войне итальянских городов против Рима за права гражданства, Марк Помпедий Силон, схватил его в доме дяди его Друза и, поставив на подоконник, строгим и страшным голосом грозил выбросить на мостовую, если он не попросит деда об оказании поддержки итальянским городам; но, как Помпедий его ни тряс и ни угрожал, он не мог добиться от мальчика ни слова, ни поступка, который обнаруживал бы страх и уступчивость. Врожденная закаленность души, изучение греческой, в частности стоической, философии и, наконец, упорное подражание традициям, связанным с именем его сурового деда, сделали из этого четырнадцатилетнего мальчика настоящего гражданина. Впоследствии он лишил себя жизни в Утике и взял с собою в могилу последний клочок знамени латинской свободы, завернувшись в него, как в саван.

Как раз над Триумфальными воротами, на скамье близ одного из выходов, сидел, также с воспитателем, еще один мальчик патрицианского рода; он был поглощен беседой с юношей, которому было немногим более семнадцати лет. Хотя последний был одет в столь желанную тогу — признак совершеннолетия, на лице его едва-едва пробивался первый пушок. Он был невысокого роста, болезненный и слабый. На бледном лице его, обрамленном блестящими черными волосами, сверкали большие черные глаза, в которых вспыхивали искры великого ума.

Этот юноша был Тит Лукреций Кар, из знатной римской семьи, обессмертивший впоследствии свое имя поэмой «О природе вещей». Его собеседник, двенадцатилетний мальчик Гай Лонгин Кассий, тоже патрицианского рода, сын бывшего консула Кассия, смелый и крепкий, занял впоследствии одно из самых видных мест в истории событий, происходивших до и после падения Римской республики.

Лукреций и Кассий оживленно беседовали друг с другом; будущий великий поэт, посещая уже два-три года дом Кассия, проникся восхищением к живому уму и благородной душе юного Лонгина и сильно привязался к мальчику. Кассий не меньше любил Лукреция, с которым его связывало почти полное тождество чувств и стремлений, одинаковое презрение к жизни и одинаковые взгляды на людей и богов.

Недалеко от Лукреция и Кассия сидел Фауст, сын Суллы, хилый, худой, с бледным, очень помятым лицом, носившим следы недавних ушибов; рыжеволосый, с голубыми глазами, с тщеславным и хитрым видом, — казалось, он гордился тем, что он отмечен перстом судьбы как счастливый сын счастливого диктатора.

В это время ученики-гладиаторы — тироны — фехтовали на арене, сражаясь с похвальным пылом, но без вреда для себя, ненастоящими палицами и деревянными мечами, в ожидании прибытия консулов и их главы, устроившего для римлян сегодняшнее развлечение.

Пока шло это бескровное сражение, которое никому из зрителей, за исключением старых легионеров и отпущенных на волю гладиаторов — рудиариев, участвовавших в сотнях состязаний, не доставляло никакого удовольствия, по всему амфитеатру раздалась шумные и довольно дружные рукоплескания.

— Да здравствует Помпей!.. Да здравствует Гней Помпей!.. Да здравствует Помпей Великий!.. — восклицали тысячи голосов.

Войдя в цирк, Помпей занял место на площадке оппидума, близ весталок, сидевших уже на своих местах в ожидании кровавого зрелища, приятного этим девственницам, посвятившим себя культу непорочной богини. Он приветствовал народ изящным поклоном и, поднося руки к губам, посылал поцелуи в знак благодарности.

Гнею Помпею было около двадцати восьми лет; он был высокого роста, крепкого, геркулесовского телосложения; необыкновенно густые волосы его почти срослись с бровями, из-под которых глядели большие миндалевидные черные глаза, малоподвижные и невыразительные. Суровые и резкие черты лица и могучие формы его тела производили впечатление мужественной, воинственной красоты.

Конечно, тот, кто внимательно всмотрелся бы в неподвижное лицо Помпея, вряд ли открыл бы в нем признаки возвышенных мыслей и подвигов человека, который в течение двадцати лет был первым лицом в Римском государстве. Однако уже в двадцать пять лет этот юноша заслужил триумф за войну в Африке и одновременно получил от самого Суллы, вероятно в минуту необъяснимо хорошего настроения, прозвище Великого.

Во всяком случае, каковы бы ни были мнения о заслугах, делах и судьбе Помпея, несомненно, что в момент, когда он 10 ноября 675 года вошел в Большой цирк, симпатии римского народа были всецело на его стороне; двадцати пяти лет от роду он успел получить триумф и завоевать любовь всех легионов, состоявших из ветеранов, закаленных в трудах и опасностях тридцати сражений и провозгласивших его императором.

Быть может, это расположение народа к Помпею отчасти объяснялось ненавистью к Сулле. Не имея возможности выразить эту ненависть иным способом, народ проявлял ее в рукоплесканиях и похвалах Помпею, хотя он и был другом диктатора, как единственному человеку, способному совершать подвиги, равные подвигам Суллы.

Вскоре после прибытия Помпея появились консулы — Публий Сервилий Ватия Исаврик и Аппий Клавдий Пульхр, которые должны были оставить свои посты первого января следующего года. Впереди Сервилия, несшего службу в текущем месяце, шли ликторы*. Позади Клавдия, исполнявшего обязанности консула в прошлом месяце, также шли ликторы, неся фасции**.

Когда консулы появились на площадке оппидума, все зрители поднялись как один в знак уважения к высшей власти республики.

Сервилий и Клавдий заняли свои места, и зрители сели в тот момент, когда вместе с консулами уселись консулы-кандидаты, то есть те, которые в сентябрьских комициях*** текущего года были избраны в консулы на следующий год: Марк Эмилий Лепид и Квинт Лутаций Катул.

Помпей приветствовал Сервилия и Клавдия. Они ответили ему любезно и почти подобострастно. Затем Помпей поднялся со своего места и пошел позвать руку Марку Лепиду, избранному своим избранием той энергии, с которой Гней Помпей использовал свою широкую популярность в его пользу, наперекор желаниям Суллы. Лепид с выражением почтения и любви встретил

* Почетные стражи.

** Символы власти в виде перевязанного ремнями пучка прутьев с закрепленным сверху топориком.

*** То есть народных собраний.

молодого императора и вступил с ним в беседу. Второго же будущего консула, Лутация Катула, Помпей приветствовал холодно и надменно.

Сулла, несмотря на то что он уже отказался от звания диктатора, при избрании этих консулов все свое влияние употребил против кандидатуры Лепида, которого он не без основания считал своим противником и сторонником Гая Мария. Именно эта оппозиция со стороны Суллы и поддержка Помпея сделали то, что в комициях кандидатура Лепида не только восторжествовала, но даже привлекла больше голосов, чем кандидатура Лутация Катула, поддерживаемая партией Суллы (олигархией). За это Сулла даже упрекнул Помпея, сказав ему, что он скверно поступил, поддерживая избрание в консулы худшего из граждан и противодействуя избранию лучшего.

С прибытием консулов бескровное сражение учеников прекратилось, и толпа гладиаторов, которым предстояло участвовать в сражениях, была уже готова выйти из темниц и ожидала только сигнала, чтобы по обычаю продефилировать перед властями. Взгляды всех были устремлены на оппидум в ожидании, что консулы дадут знак начинать состязания; но консулы окидывали взглядом ряды амфитеатра, как бы ища кого-то, чтобы испросить у него позволения. Действительно, они ожидали Луция Корнелия Суллу, который хотя и сложил с себя звание диктатора, но оставался верховным повелителем всего и всех в Риме.

Наконец рукоплескания, сперва слабые и редкие, а затем все более шумные и общие, раздались по всему цирку. Все взгляды обратились к Триумфальным воротам, через которые в эту минуту вошел в цирк, в сопровождении многих сенаторов, друзей и клиентов*, Луций Корнелий Сулла.

Этому необыкновенному человеку было пятьдесят девять лет. Он был довольно высок ростом, хорошо и крепко сложен; и если в момент появления в цирке шел медленно и вяло, подобно человеку с разбитыми силами, то это было последствием

* В Древнем Риме так называли тех, кто находился под покровительством патрона, получал от него земельный надел, но также и обязался нести в его пользу различные повинности.

тех непристойных оргий, которым он предавался всегда, а теперь больше, чем когда-либо. Но главной причиной этой вялой походки надо считать изнурительную неизлечимую болезнь, наложившую на его лицо и на всю фигуру печать тяжелой, преждевременной старости.

Лицо Суллы было действительно ужасно: не то чтобы вполне гармонические и правильные черты его лица были грубы; напротив, его большой лоб, выступающий вперед нос, несколько похожий ноздрями на львиный, довольно большой рот, выдающиеся и властные губы делали его даже красивым; эти правильные черты лица были обрамлены светлой рыжеватой густой шевелюрой и освещены парой серо-голубых глаз, живых, глубоких и пронизательных, имевших одновременно и блеск орлиных зениц, и косой, скрытый взгляд гиены. В каждом движении этих глаз, всегда жестоких и властных, можно было прочесть стремление повелевать или жажду крови.

Когда он, воюя в Азии против Митридата*, был приглашен уладить ссору, возникшую между Ариобарзаном, царем Каппадокии, и царем парфянским, последний отправил к Сулле своего уполномоченного Оробаза. Явившись на собрание, Сулла, хотя был только проконсулом, в сознании могущества римского народа и своего личного, ни на минуту не усомнился, что из трех приготовленных сидений среднее было для него. Он спокойно сел на него, посадив по правую руку от себя Оробаза, представителя самого могущественного и грозного царя Азии, а по левую — Ариобарзана. Парфянский царь почувствовал себя настолько оскорбленным и униженным, что по возвращении Оробаза предал его смертной казни.

Во время этого происшествия в свите посольства Оробаза был один халкедонянин, занимавшийся магией и умевший по наружности людей разгадывать их характер. И вот он, рассматривая физиономию Суллы, был так сильно поражен блеском его звериных глаз, что сказал: «Несомненно такой человек должен стать великим, и я только удивляюсь, как он переносит то, что до сих пор не стал первым среди всех людей!»

* *Митридат VI* Евпатор (132 до н. э. — 63 до н. э.) — царь Понта, эллинистического государства в Малой Азии.

Но верный портрет Суллы, изображенный нами, не оправдывал бы эпитета «ужасный», который мы употребили, говоря о его лице: а оно было действительно ужасно, потому что было покрыто какой-то отвратительной грязновато-красной сыпью, с рассеянными там и сям белыми пятнами, что делало его очень похожим (как выразился о нем с аттическим сарказмом один афинский шут) на лицо мавра, осыпанное мукой.

Если лицо Суллы было так безобразно уже в молодости, то легко представить, насколько увеличилось его безобразие с годами. Неумеренность и развратная жизнь имели своим последствием то, что ядовитая золотушная жидкость, текущая в его жилах, все сильнее отравляла его кровь и не только увеличила количество пятен и струпьев на лице, но и все тело покрыла гнойными прыщами и язвами.

Когда Сулла, медленно ступая, с видом пресыщенного жизнью человека входил в цирк, на нем сверх туники из белоснежной шерсти, вышитой кругом золотыми украшениями и узорами, была надета, вместо национальной паллы или традиционной тоги, изящнейшая хламида из яркого пурпура, отороченная золотом и приколотая на правом плече золотой застежкой, в которую были вправлены драгоценнейшие камни, сверкавшие под лучами солнца. Как человек, с презрением относящийся ко всему человечеству, а к своим согражданам в особенности, Сулла был первым из тех немногих, которые начали носить греческую хламиду. В руках у него была палка с золотым набалдашником в виде яблока, на котором с редким искусством и поразительным терпением был выгравирован эпизод из битвы при Орхомене в Бетии, где Сулла разбил Архелая, наместника Митридата. В этой резьбе было изображено, как Архелай, склонившись на одно колено, сдается Сулле. На мизинце правой руки Сулла носил большой перстень с кроваво-красной яшмой, на которой был выгравирован акт выдачи Бокхом царя Югурты Сулле*. Этот перстень Сулла всегда носил на пальце со дня триумфа Гая Мария и очень

* Царь Мавретании Бокх I выдачей своего зятя, царя Нумидии Югурты, воевавшего с Древним Римом, пытался наладить союзные отношения с римлянами.

много, развязно и хвастливо говорил о нем. Это кольцо было отчасти первой искрой, которая зажгла огромный пожар пагубной войны между Суллой и Марием.

При рукоплесканиях толпы сардоническая усмешка искривила губы Суллы и он прошептал: «Хлопайте, хлопайте, глупые бараны!»

Между тем консулы дали сигнал начинать представление, и гладиаторы, числом сто человек, вышли из темниц и стали рядами обходить арену.

В первом ряду выступали ретиарий и мирмиллон, которые должны были первыми сразиться друг с другом, и, хотя момент, когда оба будут стараться убить друг друга, был очень близок, они шли, спокойно беседуя между собою. За этими двумя следовали девять лакваторов, вооруженные только трезубцами и сетями, которыми они должны были стараться поймать девять секуторов, вооруженных щитами и мечами; секуторы должны были, избегая сетей, преследовать лакваторов*.

Вслед за этими девятью парами выступали тридцать пар гладиаторов. Им предстояло сразиться друг с другом по тридцать бойцов с каждой стороны и воспроизвести таким образом в малых размерах настоящее сражение.

Тридцать из них были фракийцы, а другие тридцать — самниты, рослые и крепкие юноши, отличавшиеся красивой и воинственной наружностью.

Фракийцы были вооружены короткими, искривленными на конце мечами и маленькими щитами четырехугольной формы, с выпуклой поверхностью; на голове у них были небольшие шлемы без забрала — словом, это было вооружение того народа, имя которого они носили. Кроме того, гордые фракийцы были одеты в короткие туники из ярко-красного пурпура, а поверх их шлемов развевались два черных пера. В свою очередь, тридцать самнитов носили вооружение воинов Самниума**, то есть короткие прямые мечи, закрытые шлемы с крыльями,

* Перечисляются типы гладиаторов, различающиеся по амуниции и вооружению.

** Историческая область Древней Италии в районе Апеннинских гор.

небольшие квадратные щиты, железные наручники, которые прикрывали правую руку, не защищенную щитом, и, наконец, поножи, защищавшие левую ногу. Одеты были самниты в голубые туники, а шлемы их были украшены двумя белыми перьями.

Шествие заключали десять пар андабатов, одетые в короткие белые туники и вооруженные только короткими клинками, более похожими на простые ножи, чем на мечи; голова у каждого была покрыта шлемом, на опущенном и закрепленном забрале которого находились неправильные, очень маленькие отверстия для глаз. Эти двадцать несчастных, выгнанные на арену, должны были сражаться друг с другом, точно играя в жмурки, до тех пор пока их, вызвавших достаточно смеха и веселья у зрителей, лорарии — служители цирка, специально для этого приставленные, — подгоняя раскаленными железными прутьями, не сталкивали вплотную, чтобы они убивали друг друга.

Эти сто гладиаторов обходили вокруг арены под рукоплескания и крики зрителей и, когда подошли к месту, где находился Сулла, подняли голову и, согласно наставлению, данному им ланистой* Акцианом, воскликнули хором:

— Привет тебе, диктатор!

— Недурно, недурно! — сказал Сулла, обращаясь к окружающим и осматривая проходивших гладиаторов опытным взглядом победителя, испытанного во многих сражениях. — Эти смелые и сильные юноши обещают красивое зрелище. Горе Акциану, если будет иначе! За эти пятьдесят пар гладиаторов он взял с меня двести двадцать тысяч сестерций, мошенник.

Процессия гладиаторов сделала полный круг вдоль арены и, приветствовав консулов, вернулась в свои темницы. На арене, сверкавшей, как серебро, остались лицом к лицу только два человека — мирмиллон и ретиарий.

Настала глубокая тишина, и все взгляды устремились на этих двух гладиаторов, стоявших на арене и готовых к схватке.

Мирмиллон, по происхождению галл, был красивый юноша, белокурый, высокого роста, ловкий и сильный; на голове

* *Ланиста* — тренер и владелец гладиаторов.

у него был шлем с серебряной рыбой наверху, в одной руке он держал небольшой щит, а в другой — короткий широкий меч. Ретиарий, вооруженный только одним трезубцем и сетью, одетый в простую голубую тунику, стоял в двадцати шагах от мирмиллона и, казалось, обдумывал, как лучше поймать его в сеть.

Мирмиллон стоял, вытянув вперед левую ногу и опираясь всем корпусом на несколько согнутые кнаружи колени. Он держал меч почти опущенным к правому бедру и ожидал нападения ретиария.

Внезапно ретиарий сделал огромный прыжок в сторону мирмиллона и на расстоянии нескольких шагов с быстротой молнии бросил на него сеть. Но мирмиллон в тот же миг быстрым скачком вправо, пригнувшись почти до самой земли, избежал сети и кинулся на ретиария. Тот, увидя, что дал промах, пустился стремительно бежать.

Мирмиллон стал его преследовать, но гораздо более ловкий и расторопный ретиарий, сделав полный круг вдоль арены, добежал до того места, где осталась его сеть, и подобрал ее.

Однако в тот момент, когда он ее схватил, мирмиллон почти настиг его. Ретиарий, внезапно повернувшись, в то время как его противник готов был на него обрушиться, кинул на него сеть. Но мирмиллон, упав ничком на землю, снова успел спастись. Быстрым прыжком он уже поднялся на ноги, и ретиарий, ударив его трезубцем, задел острием лишь щит галла.

Тогда ретиарий снова бросился бежать под ропот негодующей толпы, которая чувствовала себя оскорбленной неопытностью гладиатора, осмелившегося выступить в цирке, не умея как следует владеть сетью.

На этот раз мирмиллон, вместо того чтобы бежать за ретиарием, повернул в ту сторону, откуда его противник хотел приблизиться к нему, и остановился в нескольких шагах от сети. Ретиарий, поняв маневр мирмиллона, повернул обратно, держась все время около хребта арены. Добежав до меты у Триумфальных ворот, он перескочил хребет и очутился в другой половине цирка, совсем близко от сети. Поджидавший его мирмиллон бросился к нему навстречу.

Тысячи голосов яростно кричали:

— Задай ему! Задай!.. Убей ретиария!.. Убей увальня!.. Убей этого труса!.. Режь!.. Зарежь его!.. Пошли его ловить лягушек на берегах Ахерона*!..

Ободренный криками толпы, мирмиллон все сильнее наступал на ретиария, который, страшно побледнев, старался держать противника в отдалении, размахивая трезубцем, и в то же время кружил вокруг мирмиллона, напрягая все силы, чтобы схватить свою сеть. Внезапно мирмиллон, отбив щитом трезубец противника, проскользнул под ним, подняв левую руку и заставив трезубец ретиария скользнуть по щиту. Меч его уже готов был поразить грудь врага, как вдруг последний, оставив трезубец на щите мирмиллона, стремительно бросился к сети, но все же не настолько быстро, чтоб избежать меча: ретиарий был ранен в левое плечо, из которого брызнула сильной струей кровь, и все же он быстро убежал со своей сетью. Отбежав шагов на тридцать, он повернулся к противнику и вскричал громким голосом:

— Легкая рана! Пустяки!..

И спустя минуту начал петь:

— Приди, приди, мой красавец-галл, не тебя я ищу, а твою рыбу, ищу твою рыбу!.. Приди, приди, мой красавец-галл!..

Сильнейший взрыв смеха встретил эту песенку ретиария, которому вполне удалось вернуть симпатии зрителей: гром аплодисментов раздался по адресу этого человека, который, будучи безоружным и раненым, истекающим кровью, инстинктивно цеплялся за жизнь и нашел в себе мужество шутить и смеяться.

Мирмиллон, взбешенный насмешками противника и возбужденный завистью к симпатиям, которые толпа, по-видимому, перенесла с него на ретиария, яростно бросился на него. Но ретиарий, отступая прыжками и ловко избегая его ударов, крикнул:

— Приди, галл! Сегодня вечером я пошлю жареную рыбу доброму Харону!

Эта новая шутка произвела громадное впечатление на толпу и вызвала новое нападение со стороны мирмиллона, на которого ретиарий бросил свою сеть, на этот раз так ловко, что

* Одна из рек в царстве Плутона.

противник оказался совершенно запутанным в ней. Толпа шумно рукоплескала.

Мирмиллон делал неимоверные усилия, чтобы освободиться из сети, но все более запутывался под шумный смех зрителей. В это время ретиарий бросился к тому месту, где лежал его трезубец. Быстро добежав, он поднял его и, возвращаясь бегом к мирмиллону, кричал на ходу:

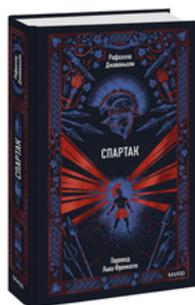
— Харон получит рыбу! Харон получит рыбу!

Но когда он вплотную приблизился к своему противнику, тот отчаянным, геркулесовским усилием своих атлетических рук разорвал сеть, и она, соскользнув к его ногам, хотя и не давала ему возможности двинуться с места, но освободила руки, и он мог встретить нападение ретиария.

Снова раздались рукоплескания в толпе, которая напряженно следила за всеми движениями, за всеми приемами противников. Ведь от малейшего случая зависел исход поединка. И действительно, ретиарий, приблизившись к мирмиллону в ту минуту, когда последний разорвал сеть, сжавшись всем корпусом, нанес врагу сильный удар трезубцем. Мирмиллон отразил удар щитом, разлетевшимся от удара вдребезги, но трезубец ранил гладиатора, и из трех ран его обнаженной руки брызнула кровь. Почти в тот же момент мирмиллон быстро схватил трезубец левой рукой и, бросившись всей тяжестью своего тела на противника, вонзил ему до половины лезвие меча в правое бедро.

Раненый ретиарий, оставив трезубец в руках противника, убежал, обагрив кровью арену, но, сделав шагов сорок, упал на колени, а потом опрокинулся на землю. Тем временем мирмиллон, упавший тоже от тяжести своего тела и силы удара, поднялся, высвободил при помощи рук ноги из сети и быстро бросился на упавшего врага.

Бурные рукоплескания встретили эти последние минуты борьбы и продолжались еще и тогда, когда ретиарий, обернувшись к зрителям и опираясь на локоть левой руки, показал толпе свое лицо, покрытое мертвенной бледностью; затем, приготовившись бесстрашно и достойно встретить смерть, он по обычаю, а не потому, что надеялся спасти свою жизнь, обратился к зрителям с просьбой даровать ему жизнь.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

